

Сяо Цичэнь встал рядом с Су Янем, положил руку ему на плечо, слегка сжал, но обратился к госпоже Цао:

— Да откуда у А Яня возлюбленная? Он мне сам на днях говорил, что никого нет. Брачные дела родители решают, ваши слова, право...

Су Янь понял, что тот за него заступается, и нехотя прикусил язык.

— Слышал от А Яня, вы в последнее время часто в храмах бываете, а он всё в лагере пропадает,
— Сяо Цичэнь, заметив, что госпожа Цао смягчилась, поспешил добавить:

— Так вы за него можете быть спокойны. Он не по нашим похабным местам шляется, а в лагере Сада Нань, в пыли да на ветру, дни проводит.

Слова эти госпоже Цао по сердцу пришлись. Выслушав, она слегка улыбнулась:

— Ну, нет так нет, зачем же шестому принцу за тебя словами хлопотать?

Су Янь, стиснув зубы, промолвил:

— Так точно.

Видя, что сын всё ещё на коленях, госпожа Цао смягчилась:

— Ладно, вставай. Я тебя больше не держу. Завтра по делам своим иди. Как отец вернётся — дело быстрее решится, и на фронт тебя отпустим, как ты того желаешь.

Ушла она легко. Сяо Цичэнь только языком щёлкнул:

— У вас матушка всегда так... остро говорит?

Су Янь мрачно кивнул.

В ту ночь Сяо Цичэнь во дворец не вернулся, остался в доме маркиза Пиньюаня. Не то чтобы Су Янь его гнал, просто он сам упёрся, да ещё подшучивал:

— Вот женишься на дочери Ли Биня — я тебя по ночам и позвать-то не смогу.

— Не городи, дело-то ещё не решено, — Су Янь стукнул его по макушке и принёс ведро горячей воды.

Сяо Цичэнь погрузился в воду с головой, потом вынырнул, фыркая и пуская пузыри. Решил он помыться, Су Янь пошёл ему навстречу, слуг беспокоить не стал, сам воду принёс. Легко вспомнилось, как когда-то Сяо Цичэнь, весь в грязи, к нему пришёл, помылся, а на спине следы от плётки показал.

Припомнив это, Су Янь потянулся рукой и отодвинул мокрые волосы, прилипшие к спине Сяо Цичэня.

Пальцы, прохладные, коснулись влажной кожи — Сяо Цичэнь на пол-оборота голову повернул:

— Чего? На красоту мою позарился? Так чего ж матушке не сказал, что сердце у тебя занято?

Надоедливые шуточки Су Янь проигнорировал, сказал мягко:

— Хочу посмотреть, шрамы те самые зажили ли.

Сяо Цичэнь «а» сказал и послушно спину подставил, сам волосы в сторону откинул. Старые раны давно затянулись, дворцовые лекаря снабдьба давали — Сяо Цичэнь не дурак был, над собой не издевался. Памятные Су Яню места, где кожа когда-то была исполосована, теперь гладкими стали.

Лишь в одном месте слабый след остался.

Су Янь провёл пальцем по тому шраму, с вершок длиной, будто хотел прочувствовать, как тот появился. Прикосновение было лёгким, Сяо Цичэнь от щекотки засмеялся, вода в кадке заколебалась.

— Это отчего? Ещё не прошло? — спросил Су Янь, слегка нажал, чтобы яснее было, о чём речь.

— М-м? Не помню... — Сяо Цичэнь голову набок склонил, задумался. Его собственная рука из-под воды поднялась, точно лягла на палец Су Яня, а затем и на шрам прижалась.

Кожа его была тёплой, от прикосновения пробежала странная, сковывающая мурашками дрожь — словно зимой, когда трёшь о грубую ткань, и искры из-под пальцев сыплются. Су Янь невольно вздрогнул.

Сяо Цичэнь нижнюю губу закусил, проговорил:

— Плеть, наверное, с заусенцем была, царапнула. Пройдёт ещё немного — и следов не останется. Да и не страшно, здесь кто увидит-то?

«Я увижу», — подумал было Су Янь, но сообразил, как это прозвучит, и промолчал. Шея у Сяо Цичэня белая, волосы чёрные, сейчас мокрые — картина почти что соблазнительная перед ним разворачивалась. И странно это было. Не впервой он Сяо Цичэня без рубашки видит, а сегодня горло будто огнём обожгло.

Голос сорвался, хриплый:

— Ещё воды принести?

— Не надо, я уже, — Сяо Цичэнь сказал и, ухватившись за край кадки, подняться собрался. Су Янь, сам не зная почему, смотреть на него не решился, схватил полотенце с краю, на голову ему накинул и бросил: «Еды тебе принесу», — а сам почти что выбежал, смущённый.

Сяо Цичэнь, волосы вытирая, с запозданием сообразил: «Неужели я в его глазах такой обжора, что без еды минуты не могу? Зря волосы намочил, теперь сохнуть будут — не уснуть».

А потом вспомнил выражение лица Су Яня, его тон — и вдруг улыбнулся.

Ночью они спали вместе. В марте в Цзиньлине ещё по-настоящему не потеплело, а одеяло в спальне Су Яня было тонким. Он в армии и на нарах спал, кожу да кости натренировал, и холод ему был нипочём. А вот Сяо Цичэнь от такого спартанского ложа страдал.

Не знаю уж который раз перевернувшись, он зашевелился, придвинулся к Су Яню, того, сонного, растолкал и, пока тот не рассердился, проговорил:

— Холодно мне.

Су Янь глаза протёр, сознание ещё не вполне вернулось. Ни о чём не думая, он приподнялся, своё одеяло на Сяо Цичэня перекинул, а потом и сам к нему под бок закатился. Довольный, руку через Сяо Цичэня перебросил, край одеяла поправил — и обратно убирать не стал, будто сил не хватило.

— Вот так тепло будет, — пробормотал он и снова глаза сомкнул.

А Сяо Цичэнь заснуть не мог. После всех этих телодвижений они оказались лицом к лицу, грудь к груди, да ещё рука Су Яня на нём лежит. Хотел было что-то сказать, но Су Янь, словно неудобно ему было, вниз сполз, пока талию Сяо Цичэня не обхватил, и, удовлетворённо вздохнув, затих.

Сяо Цичэнь, в таких объятиях оказавшись, глаза в темноте раскрыл. За окном, кажется, луна в зените была, да сверчки тихо стрекотали — покой да уют кругом.

Су Янь ровно дышал, тёплое дыхание касалось виска Сяо Цичэня. Сначала тот вырваться норовил, а потом вроде привык, осторожно руку протянул, за одежду Су Яня ухватился. Су Янь не сопротивлялся, лишь крепче обнял. Сяо Цичэнь, довольный, к его шее прижался — и тут усталость накрыла.

Всю ночь спали без сновидений, а наутро петухи разбудили.

Сяо Цичэнь выспался хорошо и проснулся быстро. В постели тепло, двигаться не хотелось. Он лежал и на Су Яня смотрел. Лежали они так близко, как никогда раньше.

От этого безопасно стало, и какая-то неизвестная радость сердце переполнила, тяжело так на душе сделалось, к утру даже глаза защекотало. Долго Сяо Цичэнь на Су Яня смотрел, думал, как тот с детства изменился, похорошел. И вдруг жалко стало: вот придёт время ему о семье заботиться, рядом уже не будет.

Но жалость эта нахлынула и быстро отступила. Сяо Цичэнь новую забаву нашёл: потянулся, мочку уха Су Яня пощекотал. Тот, брови сморщив, отвернулся, что только Сяо Цичэня раззадорило.

Под одеялом он Су Яня за ногу зацепил, потом щёку ему пощипал — пока тот глаза не приоткрыл, щёлкой узкой, и шаловливые руки не отогнал, пробормотав:

— Не приставай, А Чэнь... я спать хочу...

Сяо Цичэнь так и прыснул, но в объятиях кувыркаться не мог. Неизвестная радость выхода не находила. Щипать больше не решился, взял лицо Су Яня в ладони, смотрел, как сонные глаза проясняются, как тонкие губы в снисходительную улыбку складываются. Смотрели они друг на друга, и Сяо Цичэнь тихонько рассмеялся.

За окном рассветало. Он, словно умом помрачённый, придвинулся и губами уголок рта Су Яня коснулся.

В следующее мгновение Су Янь резко оттолкнул его и сел на кровати. Сяо Цичэнь тоже окончательно проснулся, рядом привстал, оба одеяла на пол свалились. Он вдруг осознал, что сделал, ухватил Су Яня за руку, заторопился:

— Я пошутил, я... я...

Хотел сказать: «Я не склонен к мужчинам», — но слова в горле застряли.

Су Янь быстро моргнул, успокоился и твёрдо решил, что это случайность вышла.

— Знаю, — сказал он. — Всё понятно, объяснять не надо. Только в другой раз так не делай.

<http://bllate.org/book/15940/1425103>